

DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24

Алан Фриман

Университет Манитобы (Виннипег, Канада)

ТВОРЧЕСТВО И ТРУД В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МЕНТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация: обсуждается вопрос поиска новой стратегии цивилизационного развития на основе анализа объективных процессов, происходящих в мире. Предпринята попытка синтезировать ключевые положения теории ноономики и теории ментальных объектов, которые исходят из понимания грядущего общества как системы, в центре которого должен оказаться незамещаемый машинным производством творческий потенциал человека. Проводится фиксация ряда качественных изменений в социально-экономической сфере, позволяющие осуществить качественный переход к наукоемкому способу общественного воспроизводства.

Ключевые слова: ноономика, креативная экономика, ментальные объекты, прогресс человеческих качеств, наукоемкое производство, незамещаемый труд, кризис капитализма.

Для цитирования: Фриман А. (2023). Творчество и труд в системе координат ментальной экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 2, № 1, С. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24

Alan Freeman

University of Manitoba (Winnipeg, Canada)

CREATIVITY AND LABOR IN THE MENTAL ECONOMY COORDINATE SYSTEM

Abstract: the paper considers the question of searching for a new strategy of civilizational development based on the analysis of objective processes taking place in the world. An attempt has been made to synthesize the key provisions of the theory of noonomy and the theory of mental objects, which originate from the understanding of the future society as a system, in the center of which should be the human creative potential that cannot be replaced by machine production. A number of qualitative changes are being recorded in the socio-economic sphere, allowing for a qualitative transition to a knowledge-intensive method of social reproduction.

Keywords: noonomy, creative economy, mental objects, progress of human qualities, knowledge-intensive production, irreplaceable labor, crisis of capitalism.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на международном научном семинаре Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по теме «Генезис ноономики: Знания. Ментальные объекты. Креативность» (05.04.2023).

For citation: Freeman A. (2023). Creativity and labor in the mental economy coordinate system. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 2, no. 1, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24

弗里曼 A.

马尼托巴大学 (加拿大, 温尼伯)

心理经济坐标系中的创造与劳动

摘要: 作者以世界上正在发生的客观过程为基础论述了探索文明发展新战略的问题。作者试图把智慧经济学理论的主要原理与精神性客体理论的主要原理相结合。这些原理的出发点是, 即将到来的未来社会的核心将是无法被取代的人的创造性。作者还指出了社会经济领域发生的一些质变, 这些质变正在推动社会再生产方式向技术密集型过度。

关键词: 智慧型经济、创造型经济、精神性客体、人素质的提高、技术密集型生产、不可被替代的劳动、资本主义危机。

引用注释: 弗里曼 A. (2023). 心理经济坐标系中的创造与劳动//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选. vol. 2, no. 1, pp. 13–24. DOI: 10.37930/2782-618X-2023-2-1-13-24

Обозначившаяся в современной экономической системе тенденция к смене способов воспроизводства общественного продукта позволяет прогнозировать качественное изменение совокупности производительных сил и производственных отношений, в которых знаниевая компонента начинает занимать доминирующее положение. В этой связи перед экспертным научным сообществом встает вопрос поиска и теоретико-методологического обоснования новой модели участия человека в процессе производства. Одним из шагов, который можно предпринять в обозначенном направлении, выступает создание практических программ исследований и образования, ориентированных на поддержание и развитие проекта «Ноономика». Не последнюю роль в таком процессе должно сыграть развертывание программы международного сотрудничества.

Прежде чем перейти к освещению основной темы исследования, считаю необходимым остановиться на исправлении моего ошибочного суждения и внести некоторые поправки. Ранее я ошибочно предполагал, что «ментальная экономика» является подходящим переводом для русского слова «ноономика», но больше не считаю это утверждение правильным. Это недопонимание возникло из-за проблемы перевода: английский термин «нооному» вводит в заблуждение – «ноономикс», перевод, спонтанно принятый переводчиками на конференции СПЕС, был бы менее подвержен недопониманию. Это сложная тема, и мы можем вернуться к ней позже.

Вторая поправка, которую необходимо внести, заключается в том, что термин «творческие индустрии» не является изобретением Алана Фримана. Это традиция исследований и разработки политики, восходящая к 1990-м годам и охватывающая многие страны; это одна из основных политических проблем Организации Объединенных Наций. Она заро-

дилась в Австралии, была принята в Великобритании, и теперь ею озабочены правительства многих других стран, особенно Китая. Сегодня по данной проблематике накоплена обширная литература, в которой мое исследование является лишь одним из направлений. Поэтому для ноономики важно взаимодействовать с ней. Однако правильная работа с ней заключается в надлежащем изучении; поэтому нам необходимо создать жизнеспособные команды, которые будут проводить эту работу.

Наконец, моя личная работа по теории ментальных объектов не ограничивается творческими индустриями, а охватывает весь спектр производственной деятельности, в которую вовлечена ментальная активность того или иного рода. Я надеюсь убедить в том, что это лучший способ понять то, что небрежно называют «знаниеемким» производством, и лучшая основа для реализации его человеческого потенциала. В частности, я постараюсь показать, что она предлагает практическую основу для измерения ноономической активности во времени и ее сравнения между странами.

В последнее время я увлечен вопросом поиска своеобразного мостика между творческими профессиями, творческой индустрией и ноономикой. Фактически речь идет о попытке взаимоувязать потенциал двух близких друг другу концепций – теории ноономики Сергея Бодрунова и моей теории ментальных объектов. Думается, что такой метод научного анализа позволит приблизиться к пониманию содержания знаниеемкого производства.

Для этого потребуются рассмотреть несколько вопросов, которые, на мой взгляд, требуют эффективного международного сотрудничества. Вот эти вопросы:

1. Дано ли четкое определение термину «знаниеемкость»?
2. Если нет, существует ли подходящая и лучшая альтернатива?
3. Как практически измерить знаниеемкость или ее альтернативы?
4. Как мы можем получить надежную сравнительную статистику либо «знаниеемкого производства», либо альтернативы, которую я считаю лучшей: «менталоемкого производства»?

Целью этих вопросов является создание авторитетных источников доказательств для принятия политических и деловых решений. Тут возникает проблема с терминологией, потому что в основном мы используем термины из материального производства, но современный капитализм все чаще производит не примитивные материальные объекты, а нематериальные, неосязаемые.

Далее постараюсь ответить на поставленные вопросы. Итак, давайте определимся, а что же такое производство? Я задаю три сложных вопроса.

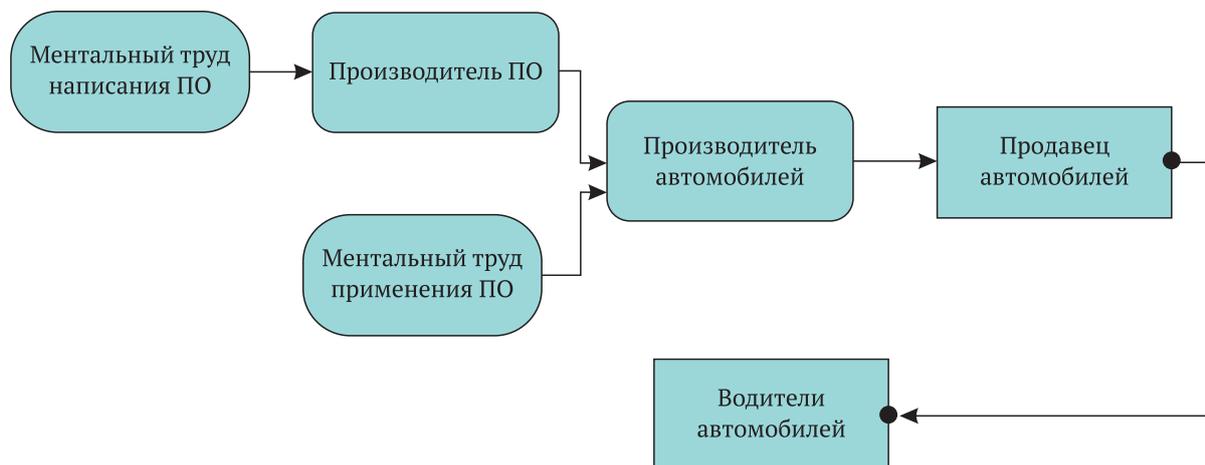
– Что продают компании, производящие программное обеспечение? В 2022 году двумя из трех крупнейших компаний в мире были Apple и Microsoft. Какова потребительская ценность их продукции?

– Что продают медиакомпании? Совокупный объем продаж медиакомпаний «большой семерки» (Time-Warner, Disney, Bertelsman и др.) превышает мировой объем продаж нефти. Какова потребительская ценность их продукции?

– Можем ли мы с полным правом назвать эти результаты «знаниями»? Или для настоящей науки ноономики требуется какая-то другая, более точная терминология?

Для начала отметим, что ментальные объекты могут фигурировать как в качестве факторов производства, так и в качестве результата деятельности. Так, например, высокотехнологичное производство в значительной степени зависит от программного обеспечения,

а современные автомобили даже не могут завестись без него. Но программное обеспечение само по себе является продуктом. Поэтому «интенсивность» должна относиться и к его функции как фактора производства, и к его статусу как результата, а это разные вещи. Это относится и к таким направлениям, как дизайн, который играет все большую роль в современном производстве, и, конечно, к науке.

Такие факторы производства бывают двух типов, как и в любом обычном производственном процессе: когда они приобретаются, как в случае, когда архитектурная компания нанимает команду дизайнеров, автомобильная компания покупает запатентованное программное обеспечение или фармацевтическая компания приобретает результаты геномного исследования, проведенного специализированной лабораторией. Или же эти компании могут нанимать рабочую силу непосредственно для создания этих факторов производства.

Соотношение между этими двумя видами факторов производства регулируется разделением труда, на чем настаивали и Смит, и Маркс. Одной из первых задач любого эмпирического исследования является изучение того, как работает это разделение. Вот почему мы должны тщательно изучить связь между результатом деятельности организации, специализирующейся на программном обеспечении, проектировании или науке, и его функцией в качестве фактора производства при покупке другой компанией. Мы должны изучить это наряду с использованием любого такого продукта потребителями или правительством.

Начнем с результата ментальных объектов, потому что это проливает больше света на их природу, поскольку ментальное производство предстает в своей чистой форме, когда оно фигурирует как результат. Уже просто констатируя этот факт, мы получаем представление о масштабах проблемы: для того чтобы продаваться как продукт, программное обеспечение не может быть рассмотрено как встроенное в человеческий мозг. Оно продается в форме, в которой оно полностью отчуждено от своего человеческого происхождения, но в которой человечность накладывает на него неизгладимую печать таким образом, что оно не может использоваться в таком отчужденном виде. Оно стало ментальным объектом.

Подойдем к этой проблеме через более общий вопрос. В современной капиталистической экономике доминируют предприятия, которые не продают никаких материальных или «осязаемых» объектов, их можно назвать «услугами». Что они продают? Есть два ответа, которые, на мой взгляд, не выдерживают критики.

Первый неадекватный ответ – это утверждение, что эти продукты не имеют никакой пользы: нам не «нужно» смотреть фильмы, слушать записи, посещать галереи или жить в красивых зданиях. Очень важно не путать «потребность» и «использование». Использование – это то, что люди (или предприятия) действительно делают: если продукция одной отрасли участвует в деятельности либо другого производителя, либо в воспроизводстве человека, то она имеет потребительную ценность.

Чтобы избавиться от элитарного предрассудка, согласно которому мы должны отказаться от такого использования, потому что оно «не нужно», мы должны оставить в прошлом представление о том, что «творческое производство» ограничивается искусством. Действительно, вся суть революции «креативной индустрии» заключалась в том, чтобы освободиться от этой идеи.

Самым большим источником творческой продукции является программное обеспечение и, в более общем смысле, ИКТ, которые, безусловно, находят применение. Мало того, все формы современного взаимодействия между людьми, зависящие от ИКТ, от телефонов до телевидения и далее до современного онлайн-мира, имеют свое применение, включая художественную деятельность. Их нельзя свести к узкой категории «искусства», хотя на мой взгляд, они значительно расширили возможности художественного самовыражения человека.

Можно считать использование этого потенциала отвратительным. Это не имеет никакого значения. Не дело экономистов говорить людям, что им нужно. Это дело людей – говорить экономистам, что им нужно. Рынок может быть плохим инструментом для достижения этой цели; в таком случае решение заключается в предоставлении лучшего средства для определения реальных потребностей; однако я думаю, что мы должны бороться с элитарным и реакционным представлением, которое преобладает во многих академических и культурных кругах, что в отсутствие подлинной «демократии потребительских нужд» мы должны заменить ее «диктатурой академии», чтобы решить, что они имеют право требовать.

Тем не менее, теперь мы должны обратиться к неверной идее, что «искусство» не производится, которая, как я полагаю, проистекает, пусть и с благими намерениями, из сомнительных корней, только что упомянутых, вместе с привязанностью к идее Смита, справедливо раскритикованной Марксом, что только «осязаемые» или физические объекты могут быть хранилищами ценности (что является просто другим способом сказать, что они производятся). Производится программное обеспечение; производится телевидение; производятся фильмы; производится музыка; производится живопись. Производится дизайн. Производятся научные теории. Все это отрасли производства. Проблема не в том, производят ли они, а в том, что они производят. Ответ заключается в том, что они производят ментальные объекты.

Если мы считаем, что программное обеспечение бесполезно, мы должны освободить от него наши компьютеры и мобильные телефоны, и, предположительно, нам от этого станет лучше. Возможно, нам также следует вырвать из стен все телефонные провода, и вообще не стоит пускать электричество в дом, поскольку оно не имеет материальной формы. Если что-то имеет применение, то плата за это, как и любой другой платеж, должна рассматриваться как покупка полезного продукта, как и любого другого продукта, и, следовательно, его изготовление и распределение представляет собой систему производства.

Второй неадекватный ответ заключается в том, что платежи, получаемые этими производителями, представляют собой своего рода ренту, а не плату за использование. Если

Фриман А.

мы допускаем существование компонента аренды, то это может быть правдой, но означает лишь то, что это обычный товар, в цене которого может присутствовать элемент монополии: то есть, его цена может быть завышена, и в этом отношении он ничем не отличается, скажем, от автомобиля, который в одной стране продается за 50 000 долларов, а в другой – за 5 000. Лично я, исходя из своего 60-летнего опыта работы в индустрии программного обеспечения, считаю, что нынешняя цена за использование большинства новых программ более или менее корректна, то есть соответствует интегрированному вкладу труда в их стоимость. Другими словами, компании оплачивают труд своих работников и получают прибыль, которая, хотя и больше, чем у зомбированных конкурентов, но и не больше, чем в любой сфере передовых технологий.

Наконец, представление о том, что единственным «истинным» производством является производство материальных предметов, приводит к поразительному выводу, что мы уже живем в экономике, превращенной в абсолютно паразитическую карикатуру на «истинный» промышленный капитализм. К 2000 году только 14% рабочей силы США было занято в материальном производстве (то есть в производстве, строительстве, добыче и сельском хозяйстве). В Китае только 10% рабочей силы занято в производстве, и этот показатель снижается. Во всех странах мира доля рабочей силы, занятой в материальном производстве, снижается с 1950 года. Это огромная историческая тенденция, и любое серьезное исследование современной экономики должно осмысленно принимать ее во внимание. Если мы не признаем ее как подлинное расширение капиталистического товарного производства, мы должны предоставить альтернативное объяснение.

Таблица 1: Пропорции работников в индустрии услуг в индустриализированных странах

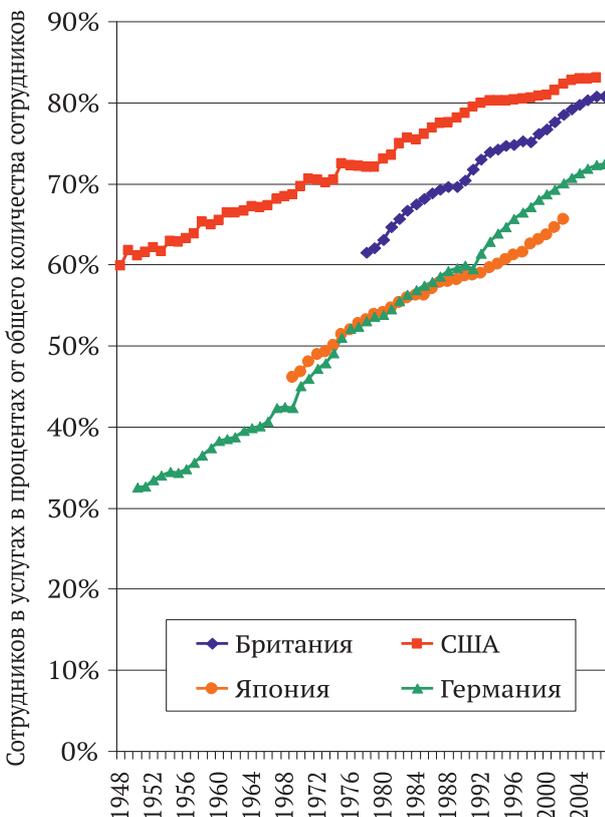
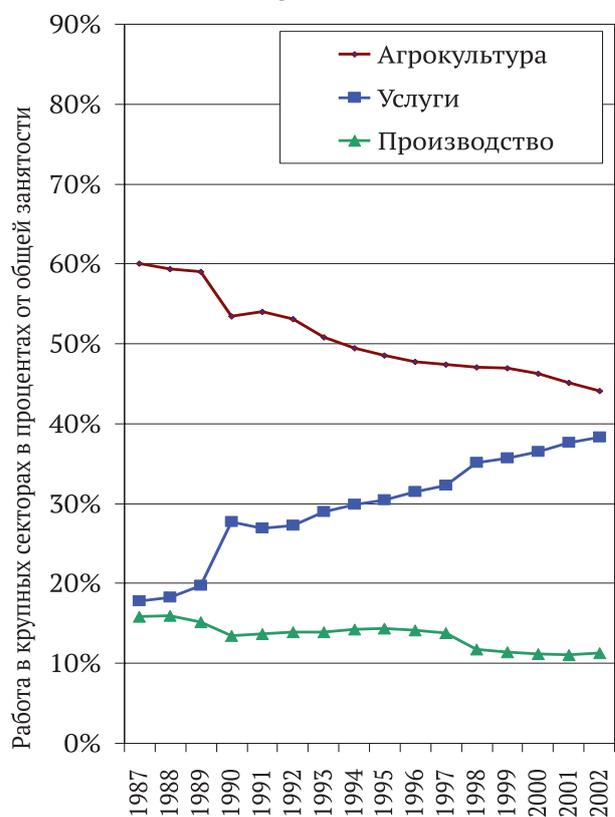

Таблица 2: Пропорции работников в крупных секторах, Китай

Понятие «ментальный объект» достигает двух целей. Во-первых, оно позволяет нам классифицировать потребительскую стоимость нематериальных отраслей более точно, чем всеобъемлющий (и устаревший) термин «услуги». Это одна из самых запутанных концепций в экономике, возможно, потому, что она самая древняя. Действительно, она имеет феодалное происхождение и первоначально использовалась для описания непосредственно личных отношений между, скажем, лордом и слугой. Попытки экономистов «модернизировать» этот термин абсурдны до комичности. Он нуждается в правильной замене. Концепция ментального объекта достигает этой цели.

Во-вторых, эта концепция позволяет нам определить в рамках материальных секторов степень «умственной интенсивности», которую, на мой взгляд, следует предпочесть «знаниеемкости». Поэтому предлагаю начать с классификации так называемых «отраслей услуг».

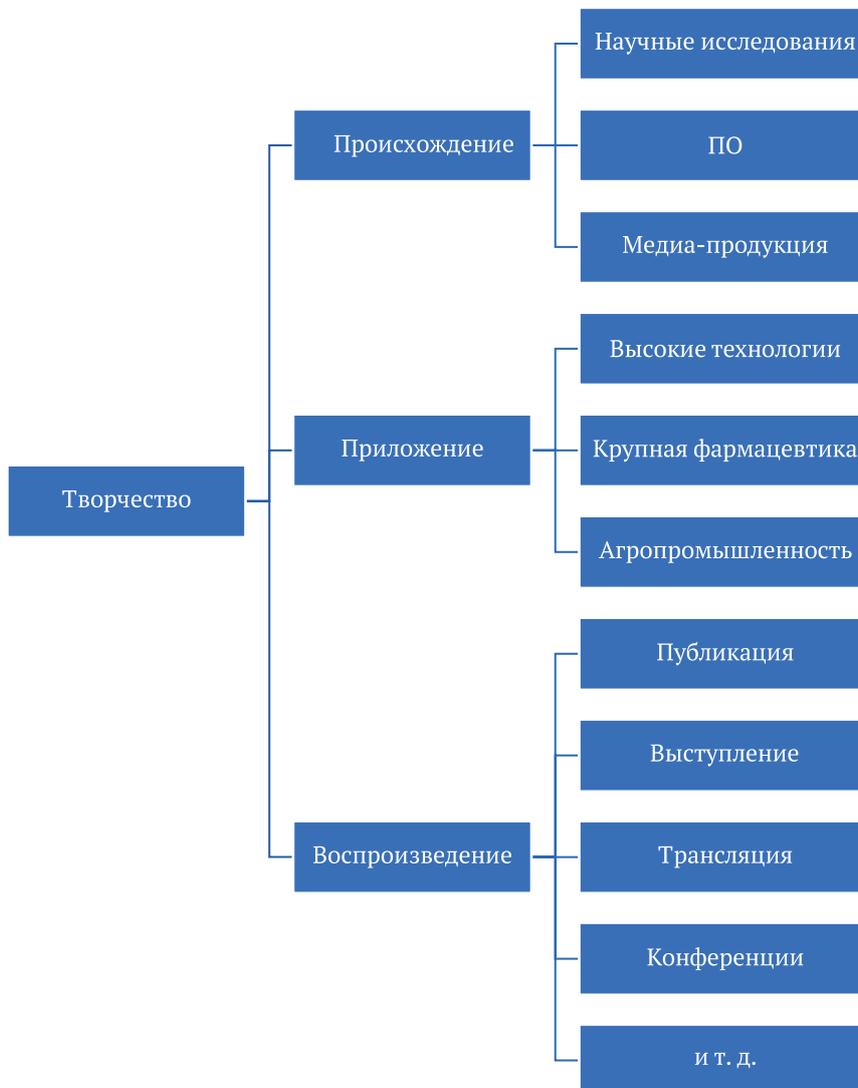
Некоторые из них, в частности, транспорт, приводят к определенным изменениям в материальных обстоятельствах, хотя их продукт не является материальным. По своей природе они не обязательно являются знаниеемкими. Однако именно в этих отраслях мы находим те, которые либо производят, либо воспроизводят ментальное содержание. Некоторые услуги, например, финансовые, не создают новых товаров, поскольку не создают никакого использования, поэтому Маркс назвал их «непроизводительными». Мы рассмотрим этот вопрос позже, а пока давайте сосредоточимся на использовании этих результатов, а не на их функции в рамках накопления капитала.

Так что же такое ментальный объект? Это потребительская ценность, которая не зависит от материальной формы. Компьютерная программа может использоваться на любой машине. Фильм можно посмотреть в кинотеатре, в Интернете, на киноленте или компакт-диске. Научная теория или формула передается в научных трудах, в школах, в книгах, видеоматериалах или даже при личном обучении.

Не в последнюю очередь ментальный объект может принимать материальную форму мысли или идеи в человеческом мозгу. Разница, однако, в том, что в этой форме она становится активной, а не пассивной; она определяет действия. Поскольку ментальный объект является коммуникабельным, возникает жизненно важное различие. «Мир» ментального производства (при капитализме – ментальная экономика) состоит из трех компонентов. «Творческий» компонент производит ментальные объекты. «Технический» компонент позволяет использовать их на практике. «Механический» компонент воспроизводит их.

Таким образом, в первой отрасли производства зарождаются новые ментальные объекты – написание программы, открытие теории, сочинение симфонии, написание книги. Во втором случае объект интерпретируется или применяется. Ученый создает новое лекарство, конструирует аппарат или делает прибор. Оркестр исполняет музыкальное произведение; компьютер реализует программу. В третьей отрасли производства объект тиражируется в огромных количествах – лекарства появляются в аптеках, приборы массово производятся, музыкальные записи распространяются либо в материальной форме, такой как пластинка, кассета или диск, либо, все чаще, в простой электронной форме. Не в последнюю очередь он входит в образование: он воспроизводится в учебниках, школах, университетах и, более того, в практической интернатуре на работе, через которую теоретические знания становятся реальными человеческими способностями, и за него частный капитал постоянно снимает с себя ответственность, потому что он кладет конец

исторической основе промышленного капитализма, а именно – отделению производителя от средств производства. В мозгу практикующего менталиста средства производства вновь воссоединяются с производителем, лишая капитализм его самого мощного инструмента господства.

В этом мое принципиальное отличие от концепции «креатосферы», как ее определяет профессор Александр Бузгалин. Я думаю, что эта концепция имеет большую ценность для определения будущего потенциала творческого труда. В частности, я согласен с мнением, что неправильно и антигуманно стремиться ограничить доступность творческих продуктов или (в более общем смысле) ментальных объектов. В будущем обществе они должны быть доступны бесплатно или по минимальной цене как можно большему числу людей.

Однако этого невозможно достичь, если мы не признаем реальную стоимость тиражирования, которую должно покрыть общество. Видимость «свободы» доступа к ментальным продуктам – это иллюзия, возникающая из-за отделения их производства от их воспроизводства. Стоимость воспроизводства намного меньше стоимости производства, но это ре-

альная стоимость и она требует реальной работы. Возможно, самым ярким свидетельством этого факта является постоянно растущая центральная роль образования в социальном и производственном прогрессе, прежде всего, систематическое повышение возраста всеобщего бесплатного образования. Но было бы абсурдно предлагать делать это без оплаты труда учителей. Напротив, для того чтобы обеспечить всех людей образованием к возрасту 21 года и далее, необходимо значительно увеличить расходы на образование.

Это воспроизведение ментальных объектов сегодня становится основным источником занятости для миллионов людей и обеспечивает им доход. Поэтому, если мы хотим обеспечить действительно бесплатный доступ к этим творческим продуктам, эту ответственность должны взять на себя государственные учреждения, которые должны фактически оплачивать эти расходы и обеспечивать этим людям доход.

Верно, что такие ограничения, как интеллектуальная собственность, возникают в «болезненной фазе» капиталистического развития, когда институт частной собственности становится гигантским ограничителем капиталистического прогресса, чего не было в индустриальную эпоху. Интеллектуальная собственность переворачивает первоначальное обещание индустриальной эпохи – обеспечить человечество немислимым доселе количеством материальных продуктов, значительно расширив возможности выведения людей из нищеты за счет постоянного удешевления этих продуктов. В то время не существовало принципиального противоречия между институтом частной собственности и безграничной торговлей, поэтому «свободная торговля», как бы лицемерно ее ни использовали, стала девизом либеральной капиталистической идеологии. Теперь главным требованием позднего капитализма является ограничение тиражирования идей.

Однако разрешение этого противоречия требует признания, что тиражирование – это реальные затраты. Оно должно оплачиваться государством или другими государственными органами. Но его нельзя преодолеть, делая вид, что этих затрат не существует или их не нужно покрывать.

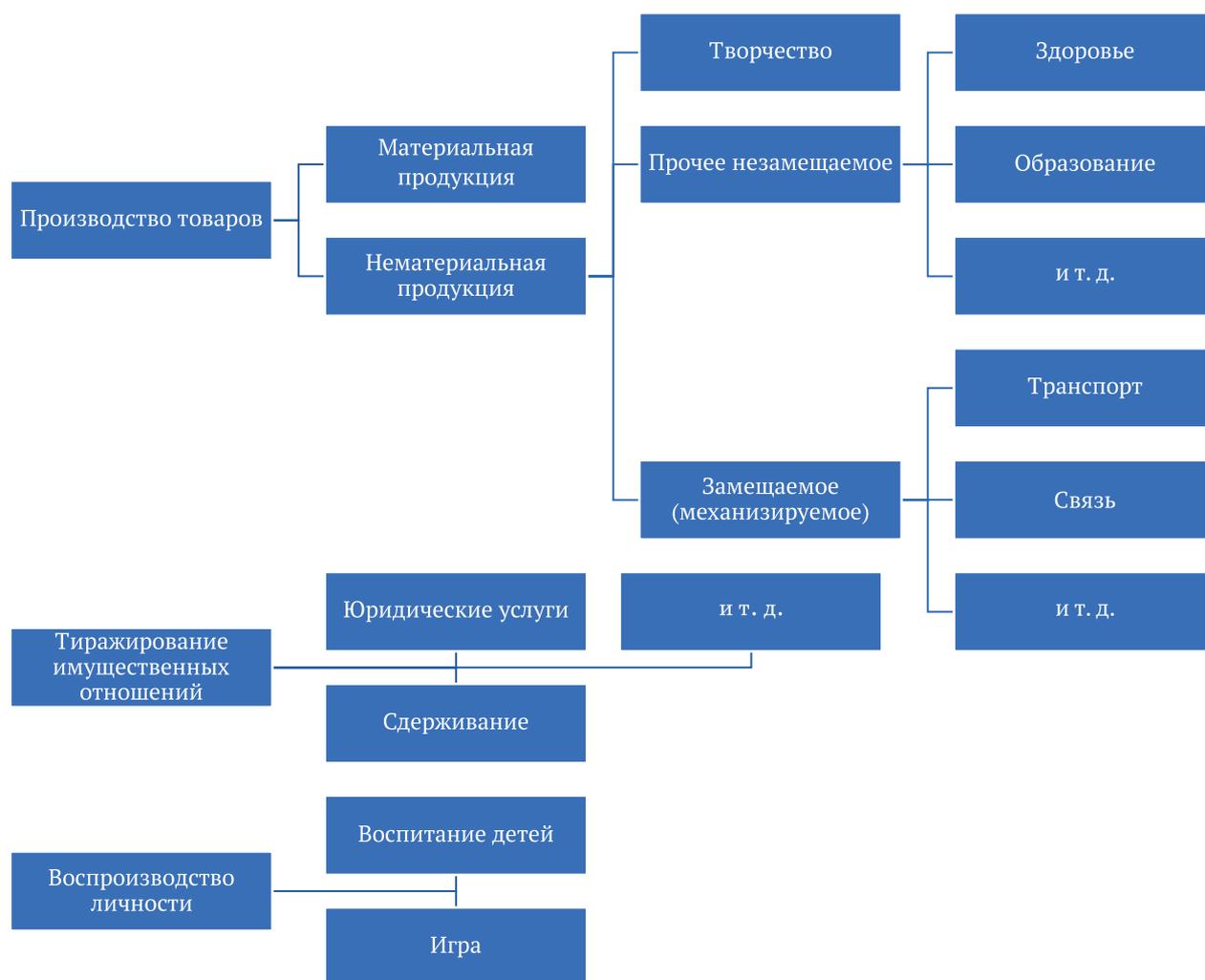
Вот вам и производство ментальных объектов. А как насчет их использования? Здесь мы сталкиваемся со сферой, где понятие «интенсивность» выходит на первый план и становится измеримым. Наша отправная точка – определение отраслей и профессий. Понятие «отрасли промышленности» восходит к понятию Смита о разделении труда: деятельность капиталистического производства специализируется, что повышает ее производительность. Современный бухгалтерский учет уделяет огромное внимание классификации отраслей, существуют международные стандарты (ISIC), которые имеют большое преимущество, поскольку позволяют сравнивать их эффективность, интенсивность, инновационное поведение и так далее как между странами, так и во времени. Однако сама система классификации является устаревшей и даже несколько реакционной¹. В частности, само понятие услуг безнадежно оторвано от современной действительности.

¹ Оно включает, например, понятие первичного разделения производства на три основные части (первичную, вторичную и третичную): добыча/сельское хозяйство, производство и услуги. Это понятие идет бок о бок с колониальной ростовской идеей о том, что «прогресс» состоит из перехода от первичного к третичному образованию, в котором «передовые» страны специализируются на третичном образовании, в то время как остальной мир специализируется на первичном. Оно сочетается с рикардианским понятием сравнительного преимущества, которое говорит Третьему миру, что его место в международном экономическом порядке – специализация на первичных продуктах и продуктах дешевой рабочей силы, на том основании, что это у него получается лучше всего.

Мое исследование предполагает первичное разделение между материальным и нематериальным производством. В последнем, которое, конечно, находится в центре нашего интереса, мы в первую очередь различаем сферы, в которых используется заменяемый (механизируемый) труд, например, транспортная сфера, в которой пропорции между машинами и трудом постоянно меняются в сторону машин. Именно здесь мы находим «растущий технический состав труда» Маркса в качестве доминирующего правила, и здесь человечность неуклонно подавляется.

Далее мы находим два типа «незамещаемого» труда. Это те, в которых желательно присутствие и взаимодействие людей друг с другом. Классическими примерами являются здравоохранение, уход за детьми, образование и т. д., где машины, в принципе, могут заменить людей (например, «механические няни»), но люди просто не хотят этого. Затем мы имеем творческое производство, в котором природа самого труда делает его замену машинами невозможным. Это математически доказуемо (теорема Тьюринга об остановке, неразрешимость исчисления предикатов второго порядка и т. д.).

Эти два вторых пункта, как я полагаю, имеют решающее значение для ноономики, поскольку они представляют собой истинное будущее подлинно человеческой системы.

Позвольте мне закончить, заложив основу для моих собственных идей на вопросительной ноте. Ноономика – это новая отрасль человеческого знания и новая отрасль человеческой практики. Но как таковая, она не может некритически воспринимать концепции, которые она просто переняла у своих предшественников. Есть три понятия, которые, на мой взгляд, необходимо тщательно изучить, если мы хотим заложить адекватный фундамент для такой новой системы мышления. Это концепция «услуги», о которой я уже говорил. Второе – понятие знания как такового; третье – представление о том, что мы должны отличать «искусство» от «производства».

Отметим, что многие виды человеческой деятельности не состоят из производства – например, игра. Некоторые из них станут более ценными и распространенными по мере продвижения к новым формам общества. Но если следовать взглядам Сергея Бодрунова, с которыми я согласен, производство будет продолжаться, потому что «работа» будет продолжаться – а функция работы заключается в производстве. Вопрос, который необходимо решить, заключается в характере этой работы. В этом важном смысле «производство», как и труд, является трансисторическим.

Кстати, я думаю, мы можем согласиться, что работа – это синоним слова «труд». Поэтому любое производство подразумевает работу. Но все ли работы приносят результат? Этот вопрос может иметь разные ответы в разных формах социальной организации. Это заявление касается только настоящего времени; понятие «ментальные объекты» является результатом изучения нынешней реальности, необходимой отправной точкой для любого нового общества, которое мы можем желать или воображать.

В частности, я рассматриваю рыночные общества, т. е. в терминах Маркса – общества, производящие товары. Даже в таких обществах не всякий труд что-то производит: например, вместе с Марксом я не считаю производительным труд, связанный с недвижимостью или финансами. Финансисты не продают товары, но взимают частные налоги: соответственно, ренту и процент.

Несмотря на это, Маркс решительно утверждает, и я с ним согласен, что любой труд, который производит товары, является производительным. Таким образом, он оспаривает Смита в очень важном вопросе, который заключается в том, что производство не обязательно должно быть материальным. Смит придерживается материальной концепции производства: он утверждает, что только «осязаемые» предметы имеют стоимость. Однако Маркс приводит пример частной школы, которая предоставляет нематериальную потребительную стоимость образования. Школа, как он утверждает, продает это использование клиентам. Поэтому она производительна так же, как если бы она продавала книги или гвозди. В устаревшей и неверной терминологии современного экономического языка это «услуга».

Тем не менее, это достаточная концепция для выявления критической исторической характеристики послевоенного индустриального общества, которая заключается в том, что большинство работ больше не производят материальные объекты.

Теперь рассмотрим противоположное утверждение, решительно отстаиваемое Марксом, о том, что любой труд, производящий товары, является производительным. Этому же мнению придерживается и современная система национального счетоводства. Я согласен с этим.

Это означает, что термин «искусство» весьма неоднозначен. Первоначально и, что удивительного, до конца XIX века его не отличали от науки. Термин «ремесленник» относится к работнику, который использует специальные навыки для изготовления вещей. Отделение

Фриман А.

искусства от науки произошло только с началом массового производства, то есть повсеместной замены человеческого труда машинным.

Это разделение привело к буржуазному представлению об искусстве как о чем-то свободном предпринимаемом, что, конечно, было доступно только достаточно обеспеченным людям. Но при более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что зажиточные люди опирались на армию рабочих, которые полагались на их покровительство. Родилось коммерческое искусство, а также выдумка о том, что искусство может существовать без труда.

Современное художественное производство, напротив, организовано капиталистическими производителями, которые нанимают рабочую силу и продают вещи. То есть, оно состоит из продажи товаров. Как таковое оно является формой производства. Это не значит, что «искусство» по своей природе продуктивно; например, если я рисую красивую картинку и отправляю ее своим друзьям или пою в хоре, это, безусловно, нечто совершенно иное, чем, скажем, то, что делают Disney или Apple.

Поэтому ошибочно путать искусство с творческим производством. На самом деле, основная часть творческого производства происходит в индустрии программного обеспечения, в великой революции, вызванной информационными технологиями, которая преобразует все другие формы производства. Как отмечает профессор Бодрунов, огромная масса творческого труда происходит в науке и вторгается во все сферы материального производства, включая, например, производство автомобилей, строительство, сельское хозяйство (в создании и проектировании «спроектированных» продуктов, таких как канадская канола).

О так называемом накоплении знаний.

Когда дело доходит до эффективного понимания ментальности как человеческой деятельности, большинство совершаемых ошибок происходят в результате путаницы между простым количественным накоплением, характерным для материальных объектов, и ментальным приобретением, в котором каждое новое понимание стирает то, что ранее считалось «известным», и заменяет его чем-то совершенно другим.

Это «совершенно иное» новое понимание не просто «содержит» то, что ранее считалось истинным, но и отбрасывает его как простую видимость: так произошло с идеей о том, что солнце вращается вокруг земли. Поэтому истинная мера знания – это глубина нашего осознания невежества. Поскольку знание неизмеримо по определению, все представление о том, что знания просто накапливаются, как куча грязи или золота, является бессмыслицей и должно быть отброшено.

Информация об авторе

Фриман Алан

Директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (66 Chancellors Cir, Виннипег, MB R3T 2N2, Канада)

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca

Information about the author

Alan Freeman

Director of the Geopolitical Economy Research Group, University of Manitoba (66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada).

E-mail: Alan.Freeman@umanitoba.ca